

Юдзи Итадори проснулся от дразнящего, аппетитного аромата. Сомнений не было: это Сидзука хозяйничал на кухне. Словно в подтверждение его мыслей, из глубин квартиры долетел негромкий голос:

— Просыпайся, завтрак готов!

Юдзи мысленно упрекнул себя. Он ведь твердо пообещал себе подняться ни свет ни заря, чтобы самому приготовить завтрак, но Сидзука снова его опередил.

В это время А-Эр бережно укладывал аккуратные онигири в коробку-бенто. В нынешнем теле он был полностью лишен вкуса — рецепторы откликались лишь на крайне редкие, особые продукты. К счастью, в его памяти навечно отпечатались кулинарная книга, заботливо составленная поварихой клана Годзё. Он умел отмерять ингредиенты с точностью до грамма и безупречно помнил нужную силу пламени для каждого блюда. Любое кушанье выходило у него идеальным.

Юдзи никогда не капризничал за столом и всегда съедал всё до последней крошки.

Растущий организм требовал много сил, да и тренировался парень усердно. Поразмыслив, А-Эр решил приготовить еще одну порцию. Даже если Юдзи не осилит всё сам, всегда можно угостить одноклассников — совместная еда отлично сближает людей.

А-Эр жил в доме Итадори уже неделю. Несколько дней он незаметно следовал за мальчиком, изучая его привычки и окружение. Юдзи пользовался популярностью среди сверстников, но по-настоящему близких друзей у него не было. Теснее всего он общался разве что с двумя старшеклассниками из своего спортивного кружка.

А ведь в таком возрасте верный, понимающий друг необходим каждому.

* «Ты заботаешься о нем больше, чем родная мать», — с непонятной интонацией заметил Система.*

А-Эр лишь отмахнулся, сочтя это за очередную попытку подразнить его. В конце концов, «эта» версия Системы обожал плоские шутки.

По своей природе Система не обладала ни обликом, ни характером. Но когда А-Эр заходил под учетной записью Кадзумы Арааки, его подсознание требовало неугомонного приятеля, с которым можно поспорить, — и тогда Система принимал язвительный и гиперактивный вид. Сейчас же, управляя телом Сидзуки Годзё, А-Эр отличался куда более холодным и расчетливым нравом. Ему требовался надежный проводник, способный лишь изредка разрядить обстановку сухой шуткой.

Звучало странно — будто под разными именами скрывались три совершенно непохожие личности.

* «Но все они — без сомнения, ты. Просто разные грани твоей души», — тихо рассмеялся Система.*

«Значит, и ты, меняющийся под мои нужды, тоже часть меня?»

* «Разумеется. Впрочем, ты волен думать так, как тебе удобно. Считаю это истиной или плодом своего воображения — выбор за тобой».*

А-Эр замолчал. Будь он сейчас в образе Кадзумы Арааки, он бы наверняка углубился в эти философские дебри. Однако в нынешнем состоянии его разум оставался кристально чистым, словно все лишние, мешающие эмоции безжалостно вырезали хирургическим путем.

Проводив Юдзи Итадори в школу, А-Эр вернулся к своим поискам.

Сумма, назначенная в даркнете за голову Сатору Годзё, достигла поистине астрономических масштабов. Даже выдавший виды А-Эр опешил от этих цифр — эта цена превосходила награду за самого Короля Пиратов Роджера.

Что же такого успел натворить Сатору Годзё, раз его голову оценили столь высоко? Объявил себя королем шаманов?

Впрочем, догадка была недалеко от истины. Сатору Годзё вырезал почти всю верхушку консерваторов из Совета старейшин и полностью подмял под себя клан Годзё. У кланов Дзэнъин и Камо просто не осталось сил, способных ему противостоять. Некогда великие Три великих клана превратились в послушное орудие в его руках. Да что там кланы — весь магический мир теперь безоговорочно плясал под дудку Сатору Годзё.

В памяти А-Эра Сатору Годзё остался пусть и невыносимо эгоистичным, капризным ребенком, но в глубине души — мягким и заботливым мальчиком, никогда не переступавшим опасную черту.

Что заставило его стать настолько жестоким и радикальным?

Оказалось, что после кровавой чистки старейшин Сатору Годзё устроился преподавателем в Магический колледж. Он продолжал изгонять проклятия и одновременно воспитывал новое поколение магов. Для управления делами и распределения миссий вместо казненных консерваторов он выдвинул нескольких принципиальных, прямолинейных шаманов, которые не боялись спорить с ним в лицо.

Сугуру Гэто на фоне друга вел себя куда тише. Он возглавил Ассоциацию Звездного Сосуда,

совмещая пост их верховного лидера с преподаванием в Магическом колледже. Поговаривали, что обычных людей он презрительно величал «обезьянами», но до открытого насилия не опускался.

И все же для А-Эра это стало громом среди ясного неба. Тот самый Сугуру Гэто, который когда-то без устали твердил, что долг сильного мага — защищать слабых обывателей, теперь хладнокровно называет их грязными приматами?

* «Хочешь разыскать их?» — поинтересовался Система.*

«Нет».

Перемены в бывших друзьях озадачивали, но теперь, став проклятием, А-Эр не желал впутывать их в свои дела. Ни к чему обременять их лишними заботами.

Куда сильнее его волновала судьба миссии тринадцатилетней давности. Что случилось со Звездным Сосудом Слияния после его гибели?

В его «первой жизни» Сатору Годзё и Сугуру Гэто получили приказ доставить Звездный Сосуд Слияния, юную Рико Аманай, для слияния с Владыкой Тэнгэном.

Владыка Тэнгэн — уникальный маг с врожденной техникой бессмертия, чьи барьеры удерживают стабильность всего магического общества Японии. Увы, бессмертие не спасало от старения. Достигнув определенного возраста, Тэнгэн начинала эволюционировать, теряя человеческий разум. Чтобы этого избежать, каждые несколько веков ей требовалось сливаться со Звездным Сосудом Слияния — человеком с особой совместимой душой.

Рико Аманай была этим самым Звездным Сосудом Слияния.

Еще до того, как миссию официально объявили, А-Эр случайно столкнулся с Рико Аманай. С первого же взгляда эта девочка почему-то глубоко запала ему в душу.

Пользуясь своим положением личного слуги Сатору Годзё, он настоял на своем участии в сопровождении. Кто же знал, что в решающий момент на их пути встанет Тодзи Фусигуро. Наемник вырубил его первым же ударом. А когда А-Эр пришел в себя, перед ним стояла незнакомая черноволосая женщина, которая безжалостно оборвала его жизнь.

А-Эр был абсолютно уверен, что никогда раньше ее не встречал, и совершенно не понимал, чем заслужил такую расправу. Но этот загадочный образ не выходил у него из головы.

К сожалению, он даже не представлял, где искать убийцу.

Слухи в теневой сети утверждали, что Звездный Сосуд Слияния пала от рук «Убийцы магов» Тодзи Дзэнъина (позже сменившего фамилию на Фусигуро, хотя маги по старой памяти звали его Дзэнъином). Сам киллер вскоре бесследно исчез — скорее всего, его прикончил разъяренный Сатору Годзё.

Больше никаких подробностей А-Эру раскопать не удалось. Впрочем, неудивительно: все, что касалось Владыки Тэнгэна, охранялось под грифом строжайшей секретности.

А-Эр задумчиво перевел взгляд на кухонный стол и заметил оставленную коробку с обедом. Юдзи Итадори в спешке забыл свой бенто. А-Эр заколебался: стоит ли идти следом и относить еду в школу?

После превращения в проклятие время его бодрствования резко сократилось. Контролировать рассудок становилось все труднее, и большую часть суток он проводил, свернувшись клубком в удушливой темноте теней.

Он чувствовал себя каким-то домашним духом. Попадись он сейчас Сугуру Гэто, тот наверняка поглотил бы его, превратив в своего карманного «покемона».

Но А-Эр твердо решил держаться от прежних друзей подальше.

Да и от Юдзи Итадори стоило бы отдалиться... Но сначала нужно вернуть обед.

Даже став проклятием, Сидзука оставался верен своим строгим привычкам. Зажав в бледных пальцах коробку с бенто, А-Эр послушно остановился у перекрестка, дожидаясь зеленого сигнала светофора.

Загорелся зеленый. А-Эр поспешил вперед, даже не заметив двух стоявших неподалеку девушек, которые провожали его ошеломленными взглядами.

— Быть не может... Что это за проклятие? Откуда у него такая жуткая аура? Почему оно просто так разгуливает посреди улицы? — прошептала Нанако, во все глаза глядя вслед удаляющейся темной фигуре.

Самое страшное — пока оно не поравнялось с ними, они вообще не ощущали его присутствия!

— Уровень первый... нет, скорее всего, это особый класс. Нужно срочно сообщить господину Гэто, — тихо произнесла Мимико.

Нанако согласно кивнула и торопливо вытащила мобильный, набирая номер Сугуру Гэто.

Мимико нервно сжала край сестриной кофты. В голове ее занозой засела странная мысль:

почему этот дух показался ей смутно знакомым? Не его ли силуэт она мельком видела на заставке телефона господина Гэто? Или это просто игра воображения?

Тем временем сам Сугуру Гэто, вконец измотанный бесконечной чередой дел и забот Ассоциации Звездного Сосуда, забылся тяжелым сном. Ему снилось их первое знакомство с Сидзукой Годзё.

В тот день в Магический колледж как раз должны были прибыть первокурсники. Сатору Годзё бросил недоеденный десерт и сломя голову куда-то умчался.

«С каких это пор он стал так пекся о новичках?» — с удивлением подумал Сугуру Гэто и из чистого любопытства последовал за ним.

Добравшись до тренировочного поля, он застал удивительную картину: Сатору Годзё оживленно болтал с юношей в светлом кимоно. На лице неприступного наследника клана сияла совершенно ребяческая, капризная улыбка — он откровенно ластился к собеседнику.

— Господин Сатору, вы сегодня нормально пообедали? — негромко ворчал парень, вкладывая в руки Сатору Годзё аккуратную коробку с едой. — Мне кажется, вы снова исхудали. И вообще, Масамичи Яга только что просил передать...

«Он ему что, мамочка?» — хмыкнул про себя Сугуру Гэто.

В мире магов чудаков хватало с избытком, скорее нормальный человек здесь показался бы белой вороной. Но этот парень выделялся даже на общем безумном фоне.

Стояла удушающая летняя жара, а он кутался в плотные одежды с ног до головы: руки скрывали перчатки, а лицо — глухая черная вуаль с вышитым на ней золотым оком. Посреди бела дня это зрелище навевало жуть, заставляя вспомнить о зловещих лидерах оккультных сект.

Заметив приближение друга, Сатору Годзё представил его — Сидзука Годзё.

Сидзука Годзё происходил из вассальной ветви клана. Из-за редкой врожденной техники его еще в младенчестве забрали в главную усадьбу, сделав личным тенью-телохранителем новорожденного Сатору Годзё. Ему даровали фамилию Годзё, а на его широком хаори красовался фамильный герб великого клана.

Сугуру Гэто, выросший в обычном современном обществе, от подобных феодальных пережитков лишь диву давался. «Личный слуга» в магических кланах — лишь красивое прикрытие для того, кого растят как живой щит, готовый в любой момент принять

смертельный удар за господина.

Впрочем, их отношения ни капель не походили на каноничное «хозяин и слуга». Скорее это было общение избалованного сорванца и его терпеливого опекуна.

Больше всего Сугуру Гэто поразило поведение Сатору Годзё. Невыносимый эгоцентрик, плевавший на любые авторитеты, сейчас смиренно стоял и выслушивал бесконечные нотации. И пусть Сатору Годзё согласно кивал лишь для вида, пропуская половину мимо ушей, сам факт подобного послушания казался настоящим чудом.

Сидзука Годзё, воспитанный в строгих традициях, держался подчеркнуто вежливо и старомодно. Как бы Сатору Годзё ни капризничал, тот неизменно величал его «господином Сатору». По всем законам логики, такой правильный зануда должен был жутко раздражать бунтаря-Сатору Годзё. Однако, как уверял сам Сатору Годзё, Сидзука находился рядом с ним с самых пеленок. Он был для него семьей. А ненавидеть собственную семью Сатору Годзё просто не умел.

Но Сугуру Гэто знал, что с родными родителями Сатору Годзё общался крайне холодно. Почему же этот юноша, не связанный с ним ни кровью, ни законом, ставший тенью лишь из-за принуждения клана, заслужил столь священный статус?

Их связь явно таила в себе бездну недосказанного.

Движимый любопытством, Сугуру Гэто начал исподволь наблюдать за Сидзукой Годзё.

Несмотря на легкую чопорность, тот вовсе не был бездушной марионеткой клана. Напротив: будучи щитом Сатору Годзё, он имел полное право заботиться лишь о безопасности господина и собственной шкуре. Никто бы слова ему не сказал. Но стоило Сидзуке Годзё заметить, какие муки испытывает Сугуру Гэто, глотая омерзительных проклятых духов, как он без колебаний применил свою технику, чтобы забрать чужую боль себе.

Позже Сатору Годзё признался: если бы он однажды силой не запретил Сидзуке Годзё жертвовать собой, рывкнув: «Твоя жизнь принадлежит мне!», тот давно бы сгнил заживо, принимая на себя чужие страдания. Но даже под этим запретом Сидзука Годзё умудрился облегчить муки тысячам людей.

Невероятное, почти пугающее благородство. Разве могут существовать в этом грязном мире настолько чистые души?

Вуаль, которую Сидзука Годзё никогда не снимал, была соткана из проклятых нитей и украшена странным узором в виде глаза. Этот барьер скрывал его истинную внешность и стирал присутствие, позволяя ему спокойно ходить среди обычных людей, не привлекая лишнего внимания своей странной одеждой.

Однако пелена почему-то не прикрывала глаза. Издалека разобрать что-либо было невозможно, но вблизи Сугуру Гэто ловил на себе его ответный взгляд.

То были чистейшие, серебристо-белые глаза, сиявшие неземным, божественным светом — под стать его безупречной душе. И Сугуру Гэто невольно ловил себя на греховной мысли: каково же лицо, скрытое под этим шелком?

Такое же безукоризненное и прекрасное?

Ответ на этот вопрос обрушился на него внезапно.

Их отправили на зачистку особого класса временного проклятия. Сам по себе противник не представлял серьезной угрозы, но Сатору Годзё с Сугуру Гэто увлеклись очередной перепалкой и упустили время. Они и представить не могли, что внутри барьера время течет совершенно иначе.

Когда проклятие наконец развеялось, снаружи вовсю властвовала глубокая ночь следующего дня.

То была ночь полнолуния. На черном бархате неба, где не горело ни единой звезды, одиноко сиял холодный, равнодушный диск луны.

Сатору Годзё вдруг резко побледнел и глухо выдохнул:

— Черт, опоздали...

В ту же секунду из темноты донесся дикий, звериный рев, раздавшийся будто одновременно за много миль от них и прямо над ухом.

Признаться, Сугуру до сих пор плохо помнил детали последовавшего хаоса.

В памяти отпечатались лишь финал: всегда безупречный, наглухо застегнутый Сидзука полуобнаженным метался по земле, навалившись всем телом на Сатору Годзё. Хаори с гербом клана Годзё — символ его рабской преданности — валялось неподалеку, разорванное в клочья.

Черная вуаль соскользнула, обнажив лицо. Оно было изуродовано глубокими, жуткими шрамами, а искажившая его безумная гримаса делала облик по-настоящему свирепым.

Святая душа, растерзанная плоть, стальной самоконтроль и пожирающая изнутри, первобытная похоть... Как эта хрупкая человеческая оболочка не разрывалась от столь чудовищных противоречий?

Сугуру оцепенел, не в силах вымолвить ни слова.

А Сатору Годзё... Сатору Годзё лишь бережно сжимал беснующегося Сидзуку в объятиях. В его глазах светилась бесконечная, граничащая с безумием нежность. Он совершенно не обращал внимания на то, что Сидзука мертвой хваткой вонзил клыки в его шею, жадно лакая струящуюся по плечам алую кровь.

— Больше всех тебя люблю... Мы всегда, всегда будем вместе, слышишь? — тихо шептал Сатору Годзё.

У Сугуру внутри все перевернулось.

Он смотрел на них со смесью ужаса и дикого, извращенного восторга. словно перед ним были двое безумцев, которые только что сбежали из лечебницы и теперь, истекая кровью, счастливо улыбались друг другу. Но они упрямо звали себя «семьей». Что ж, пожалуй. Очередная причуда проклятой аристократии Годзё.

Будучи выходцем из обычной семьи и сохранив остатки здравого смысла, Сугуру почувствовал себя третьим лишним. Ему захотелось деликатно отвернуться и уйти, как вдруг Сидзука медленно поднял голову.

К нему будто вернулись крупницы разума. Изуродованное лицо Сидзуки исказилось в немом крике боли и стыда. Его серебряные глаза по-прежнему оставались чистыми, но из приоткрытого, влажного рта стекала струйка густой алой крови.

Внезапно он заметил Сугуру, замершего неподалеку. По щекам разлился лихорадочный, болезненный румянец, а во взгляде отразилось такое беспредельное, рвущее душу отчаяние, что у Сугуру перехватило дыхание. Сидзука крепко стиснул зубы. Уголки его глаз повлажнили. Сугуру показалось, что тот сейчас разрыдается, но вместо слез из этих бездонных, туманных озер потекли две тонкие струйки темной крови, прочерчивая дорожки на мертвенно-бледной коже и придавая его хрупкому, израненному облику жуткую, неописуемую красоту.

Это походило на явление скорбящей Мадонны, вот только плакала она кровью, а на руках качала не божественного младенца, а своего соучастника, который самозабвенно прижимал ее к себе, позволяя терзать и пить собственную плоть.

Человек, который превыше всего ставил приличия и долг, оказался беззащитным и обнаженным перед чужим взором, выставив напоказ свою самую постыдную, темную сторону. словно устрица, чью раковину безжалостно раскололи, обнажив нежную, трепещущую плоть и драгоценный жемчуг. Это зрелище было настолько жестоким и в то же время порочно-притягательным, что сердце Сугуру пропустило удар. Стыд и запретное, будоражащее возбуждение столкнулись в его груди, выжигая остатки самообладания.

Рассудок вопил, требуя немедленно бежать прочь из этого филиала преисподней, но Сугуру не

мог пошевелиться.

Сидзука продолжал смотреть на него. Будь Сугуру в обычном состоянии, он бы давно почуял неладное, но сейчас его разум помутился, а душа улетела куда-то ввысь. Весь мир сузился до одной-единственной точки — до Сидзуки, который прижимался к Сатору Годзё и неотрывно смотрел на него.

В этих бездонных серебряных глазах отражался только Сугуру.

А затем губы Сидзуки дрогнули в улыбке.

Он тихо, хрипло рассмеялся — сокрушенно и вместе с тем восторженно.

О чем он думал в тот миг? Сугуру не знал. Разум отказывался понимать происходящее. Казалось, он случайно провалился в изнанку реальности, куда смертным путь заказан — в темное, сырое лоно, переполненное гнилью, грязью и трепещущей плотью.

Но Сугуру был не в силах оторваться. Он погружался в эту бездну добровольно. В его сознании выжгло это безумное, святое лицо и улыбку, расцветшую бледной лилией посреди кровавого океана.

Облака разошлись, и круглая луна, казалось, сама окрасилась багрянцем, созерцая это таинство. На стыке света и тьмы, жизни и смерти, в тисках абсолютного безумия, уродство изувеченного лица обернулось ослепительной, сокрушительной красотой, лишаящей воли и разума.

Все кончено.

Назад дороги нет.

Под бешеный, оглушительный стук собственного сердца Сугуру впервые осознал непреложную истину: для таких, как они, преисподняя — единственный обетованный рай.

<http://bllate.org/book/18335/1760476>